

Головня Александр Иванович

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА:
ВЗЫСКАТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ТРАКТОВКИ ФЕНОМЕНА**

Статья посвящена анализу существа научной категории "политический институт" в ее проекции на сферу обеспечения безопасности государства. Посредством сравнения энциклопедических трактовок этого понятия автор определяет недостатки устоявшихся определений и предлагает научной общественности свое понимание этого сложного феномена.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/2-2/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (16): в 2-х ч. Ч. II. С. 46-51. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Козлов В. А.** Государственная политика в сфере противодействия коррупции: международно-правовые аспекты [Электронный ресурс] // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 1. URL: <http://www.mgimo.ru/publish/document112087.phtml> (дата обращения: 11.12.2011).
2. **Номоконов В. А.** Проблемы формирования антикоррупционной политики в России [Электронный ресурс] // Государственная политика России в сфере противодействия коррупции: сборник научных трудов / Дальневост. ун-т; под ред. А. Н. Сухаренко. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2007. URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=2008&more=1> (дата обращения: 10.12.2011).
3. **О противодействии коррупции:** Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 2008. 30 декабря.
4. **Российская коррупция: причины, масштабы, пути противодействия** [Электронный ресурс]: семинар. URL: <http://www.apn.ru/publications/print20095.htm> (дата обращения: 10.12.2001).

ATTEMPT OF SYSTEM APPROACH TO STATE OFFICIALS' ANTI-CORRUPTION TRAINING

Aleksandr Vasil'evich Godovanyi, Ph. D. in Law, Associate Professor
Department of State and Law Theory and History
Siberian Academy of Public Service
uffcors@yandex.ru

The author reveals the attempt of state officials' training concerning the course "State Policy in Anti-Corruption Sphere", corresponding to the essential requirements of higher professional education standard and taking into account the changes in anti-corruption sphere, which occurred in recent years, and discusses the system approach to state policy creation in anti-corruption sphere, aimed at officials' anti-corruption resistance motivation and skills development.

Key words and phrases: state official; corruption; anti-corruption state policy; anti-corruption resistance and attitude development.

УДК 340.1-05

Статья посвящена анализу существа научной категории «политический институт» в ее проекции на сферу обеспечения безопасности государства. Посредством сравнения энциклопедических трактовок этого понятия автор определяет недостатки устоявшихся определений и предлагает научной общественности свое понимание этого сложного феномена.

Ключевые слова и фразы: научная категория; единство властного и социального начал; сущностный субстрат политики обеспечения безопасности; политический институт; методологическая константа.

Александр Иванович Головня, к. пед. н.
Специальная кафедра
Академия Федеральной службы безопасности Российской Федерации
POLEMARX2020@gmail.com

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА:
ВЗЫСКАТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ТРАКТОВКИ ФЕНОМЕНА[©]**

Феномен политики в сфере обеспечения безопасности государства был и остается в центре постоянного внимания исследователей. Как уникальное социальное образование он был и является предметом глубокого анализа историков, социологов и политологов. Опираясь на общепризнанные постулаты гуманизма, многие из них справедливо считали его фундаментальным началом общественного бытия. Яркие примеры такого понимания безопасности представлены в трудах Б. Спинозы [25], Т. Гоббса [8], Д. Локка [14], Ж.-Ж. Руссо [21], И. Канта [10].

Очевидно, что доминанты философско-гуманистических начал в притязаниях граждан и общества на их защиту государственно-волевым порядком действительно лежат в социальной природе политики и позволяют понять сущность формирующих ее факторов.

На этот счет в современной теории представлены различные оценки. Но практически все они опираются на трактовку политики как инструмента поддержания стабильного социального порядка [1].

Налицо - исходный постулат о единстве в политике общественного и властного начал, их глубокой взаимной интеграции. По сути, именно это является объективным условием формирования многих политических институтов.

Понимание столь органичного единства возникло еще во времена Античности. Аристотель считал политику высшей формой организации жизнедеятельности человека, упорядоченной правом. «Государственная справедливость, – писал он, – имеет место только в политической жизни...» [2, с. 34].

Подобные трактовки политики имеют как сильные, так и слабые стороны. Их достоинство состоит в опоре на гуманистические идеалы, высшие нравственные начала бытия. В то же время такой подход основывается на чрезмерно многозначном и не всегда определенном понимании социального блага. Это, в свою очередь, нередко создает предпосылки для маскировки корыстных интересов различных политических сил, чем зачастую формирует почву для злоупотребления имеющимися политическими возможностями [23; 26].

И все-таки исходной терминологической основой трактовки понятия политики может служить утверждение о том, что это «...научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных и муниципальных органов по созданию эффективного механизма использования имеющихся в их распоряжении властных средств достижения общественно-значимых целей» [15, с. 7].

Как бы ни различались подходы к пониманию природы политики, системным основанием для ее понимания выступают отношения по поводу власти. Именно эти отношения образуют ее *сущностный субстрат* [9, § 14]. Тем самым, политика трактуется как особая разновидность выражения государственной воли, средство легитимации и артикуляции политического курса страны [5, с. 12].

Именно государственная власть влечет за собой установление соответствующего порядка, правил, органов и сопровождается большим массивом явлений, факторов и понятий [6; 28].

Понятно, что самостоятельные акторы политики участвуют в ее разработке и реализации по-своему. В зависимости от имеющихся целей и приоритетов они в состоянии определять необходимые акценты осуществляемых действий, корректировать направленность, специфику и темпы претворения в жизнь принятых решений, маневрировать имеющимися силами и средствами, корректировать избранные курсы в интересах достижения их максимальной эффективности. Подобные меры, подкрепленные надлежащим теоретическим обоснованием, образуют единое политическое пространство, в котором наличествуют определенные отраслевые, регионально-территориальные и утилитарно-целевые (специальные) сегменты. В частности - сегмент, который *принято называть политикой в сфере обеспечения государственной безопасности*.

Но вне зависимости от типа, специфики и предназначения, политика – это *всегда конгломерат идей и действий по их осуществлению*. Опираясь на предложенные трактовки, политику в сфере обеспечения безопасности государства следует справедливо полагать *органичным компонентом властно-распорядительной деятельности государства, проводимой специальными субъектами политических отношений в интересах защиты его интересов* [27].

По специфике реализации властных функций такая политика преимущественно регулятивная, по содержанию – социально-правовая, а по форме закрепления - *институциональная*.

Последнее означает, что разработка и реализация указанной политики опирается на возможности соответствующих институтов [13, с. 211-218].

Основания для представленного аргумента можно найти у американского политолога Т. Парсонса, трактовавшего институты как «...*всеобщие модели норм, которые очерчивают категории предписанного, разрешенного и запрещенного поведения в социальных отношениях, для людей в их взаимодействии друг с другом как членов общества и его различных подсистем и групп*» [32, р. 77].

В современной политологии широкое распространение получила афористичная дефиниция политического института, предложенная нобелевским лауреатом в области экономики Д. Нортон. Он полагал, что политические институты – это «...*“правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми...*» [16, с. 17, 18].

Несколько иначе характеризуют политические институты сторонники организационного подхода. По их мнению, институт – это организация, структура, объединение людей, которое выступает как коллективный актор политики [4].

Известный английский социолог Э. Гидденс трактует понятие политического института в виде длящегося социального образования, имеющего стабильные черты социальной жизни [7, с. 65].

Рассматривать институт как организацию или группу людей с их социальными статусами, ролями и нормами было принято в советской социологии [12].

Трактовка института в виде организации, действующей в рамках договоренностей и регламентов, характерна и для работ ряда современных российских политологов [3].

Существует и принципиально иной - условно говоря - интегральный подход к анализу институтов, заключающийся в определении изучаемого феномена в виде *предметно ориентированного симбиоза социальных практик и взаимодействий* [24, с. 11].

Суммируя приведенные мнения, реально утверждать, что *политический институт* – это совокупность общественных связей, контактов и зависимостей в единстве с оценками, действиями и мерами, регламентированными нормами права и реализованными практически в конкретно определенных сферах социальной действительности [31].

Если акцентировать внимание на сущностной составляющей понятия политического института, то в этом случае его следует трактовать как упорядоченный нормами конгломерат *общественных отношений, опирающийся на идентифицируемые социальные роли их участников* [33, р. 97].

Очевидно, что, будучи образованиями, предельно конкретными в своей фактической основе, политические институты должны иметь собственную терминосистему, детализирующую их сущностные свойства [17].

Но как ни парадоксально, в отечественной политологии до настоящего времени не сложилось единого и общепринятого понимания существа политических институтов. Общепринятые определения указанной категории, включенные в современный научный оборот, содержательно весьма дефектны. В этом реально убедиться, обратившись к энциклопедическим источникам.

Так, «Словарь по политологии» под редакцией В. Н. Коновалова определяет в качестве института политики (от лат. *institutum* - установление, учреждение) *зафиксированные и документально закрепленные нормы организации политической жизни и функционирующие на этой основе разнообразные организации, учреждения, службы политики, а также устойчивые традиции, принципы и правила политического поведения, которые характеризуют качество политической системы общества и выступают основными регуляторами политического поведения и деятельности* [22].

С позиций формальной этимологии подобная формулировка анализируемой нами реалии весьма противоречива и имеет ряд очевидных недостатков. В частности:

- представляется неоправданным имеющийся в предложенной формуле повтор понятия «организация». Он превращает предлагаемое смысловое образование в конструкцию, имеющую дихотомную сущность. Для научных понятий это является свидетельством явной ущербности;

- весьма противоречивым и излишним является уточнение категории «зафиксированные и документально закрепленные нормы» (*документально закрепленные нормы a-priori не могут не быть зафиксированными – прим. мое - А. Г.*);

- явно некорректно используемое в тексте словообразование «службы политики». Современная политология подобной дефиниции не знает и ею не оперирует;

- спорным видится тезис о том, что «традиции, принципы и правила поведения характеризуют собой качество политической системы». Указанные реалии характеризуют собой скорее специфику политической системы, но не ее качество.

Несколько более точным представляется определение политического института, предложенное в «Кратком терминологическом словаре по дисциплине “Политология”» под ред. А. В. Гринева [11]. Составителям данного словаря политический институт видится в качестве *относительно устойчивого комплекса различных государственных органов и организаций, учреждений и комитетов, наделенных особыми полномочиями и функциями. Деятельность политических институтов обычно всегда регламентирована соответствующими юридическими актами.*

Но и эта текстуальная формулировка далеко не безупречна. В ней несколько «перетяжелена» детализирующая составляющая: очевидно излишне указание на некие «учреждения и комитеты»; не совсем верен оборот «наделенные функциями» (*наделить можно только полномочиями, а функции должны реализовываться в рамках предоставленных полномочий - А. Г.*).

Остается не ясным, что имеют в виду авторы данной трактовки, говоря о некоем «комплексе» учреждений, организаций и пр. Отечественное классическое обществоведение не знает такого «комплекса». Внешне ценным в данной трактовке является ее финальное смысловое уточняющее в виде указания на то, что «деятельность политических институтов обычно всегда регламентирована соответствующими юридическими актами». Но возникает вопрос, почему «обычно»? Почему только регламентируется, а не декларируется либо не закрепляется?

За гранью понимания сути предлагаемой формулировки остается и понятие «юридические акты». Вероятно, составителями словаря имеются в виду нормативные правовые акты, акты правоприменения и иные акты реализации права. Во всяком случае, это соответствует смыслу фразы. Но, куда, в этом случае, деваются политические доктрины, политические стратегии, политические декларации и многое иное, что никак не относится к т.н. юридическим актам, и при этом не перестает оставаться актами сугубо политического свойства? Авторы формулировки оставляют нас в догадках...

Определенные смысловые дефекты имеются и в «Политологическом словаре-справочнике» под редакцией Е. Д. Погорелого, К. В. Филиппова и В. Б. Фесенко [18]. Категорию «ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ» (*выделено в первоисточнике - А. Г.*) названные специалисты трактуют как «элемент политической системы, существующий в виде организаций, учреждений, объединений граждан и выполняющий специальные функции в политической жизни общества. Характерными особенностями политического института являются четкая внутренняя структура (организация), определенное место в политической системе. К политическим институтам относят государство, политические партии, общественно-политические организации и движения» (*цитата приведена в объеме, не искажающем ее смысл – прим. авт.*).

В отличие от предыдущих толкований, здесь доминирует организационный контекст, но по-прежнему страдает точность формулировки. Потому как из понятия политического института авторами неоправданно устранены политические нормы и все, что с ними связано. Сами того не замечая, авторы тем самым разрушают собственную терминологическую конструкцию, которую базируют на утверждении о том, что политические институты - суть элементы политической системы. Ведь, если нет политических норм, значит нет и основания для системных построений, потому как именно норма - первичное звено всякой политической системы. И никак иначе.

В противоположном контексте трактует понятие политического института словарь-справочник «Политология» в редакции М. А. Василик, М. С. Вершинина и др. [19]. Здесь уточняющие акценты совершенно иные.

Политические институты представляются авторам в виде *комплекса (опять не ясно, откуда взявшегося, и из чего состоящего комплекса – авт.) принципов и норм, формальных и неформальных правил, регулирующих процессы в сфере политики.* Политические институты, по мнению М. А. Василик, М. С. Вершинина, выступают в форме политических организаций и учреждений. Трудно понять, как некое образование может вообще «выступать в форме»? Оно может *быть оформлено* каким-либо образом или способом, но никак не «выступать». Налицо откровенная потеря смысла изложения и явное противоречие устоявшимся нормам русского языка.

Достоин внимания уточнение о том, что в современной политологии различают традиционные институты, основывающиеся на жестких нормах и правилах (ритуалах, традициях, обычаях) деятельности и общения, и модернизированные институты, где нормы и правила более гибки и подвижны, более независимы от системы моральных предписаний. Примеров т.н. модернизированных институтов авторы, вопреки собственной логике повествования, не приводят.

Но они все-же пытаются детализировать собственные аргументы, указывая на то, что *по характеру организации институты разделяют на формальные (их деятельность регламентируется юридически формализованными нормами и правилами) и неформальные - их деятельность основана на личных отношениях и контролируется моральными нормами и традициями (политические клубы, различного рода ассоциации политического характера и т.д.)*. Этого авторы считают достаточным.

Даже весьма шадящая оценка предложенной трактовки не может свидетельствовать о ее научной корректности. Почему авторы ведут речь о градации политических институтов по характеру организации, предлагая при этом лишь основания формальности либо неформальности? Разве только эти показатели свидетельствуют о характере организации? Почему уточнение о т.н. «юридической формализации» они сводят только к нормам и правилам, забывая при этом о правовых механизмах, процедурах, установлениях, правоприменительных алгоритмах, юридических прецедентах и многом ином?

Примеров ошибок, терминологических неточностей и очевидных смысловых дефектов можно приводить еще немало. Все они свидетельствуют о том, что в энциклопедической трактовке категория «правовой институт» определена весьма неопределенно, а зачастую откровенно ошибочно.

В интересах достижения желаемой научной корректности предлагается уточненный вариант определения понятия «политический институт». Это:

- исторически сложившаяся, нормативно закрепленная, организационно оформленная и регулярно воспроизводимая модель отношений, связанных с завоеванием политической власти, осуществлением общественного управления, а также:

- упорядоченная совокупность социальных контактов, соподчиненностей и зависимостей властного свойства, закрепленных соответствующими нормами права, поддерживаемых принудительной силой государства и имеющих целью реализацию его воли средствами пропаганды (разъяснения), убеждения, законного принуждения или вооруженной защиты.

Очевидный диалектизм понимания политического института, имеющийся в предложенной формуле, позволяет определить сущность категорий, детализирующих его роль и предназначение. Прежде всего, категория «институализация», под которой следует понимать *процесс зарождения, организационного оформления и нормативного закрепления социальных связей и зависимостей в определенных сферах (сегментах) общественного бытия*.

Предложенные трактовки позволяют сделать некоторые выводы концептуального свойства и утверждать, что, являясь *теоретико-социальным феноменом, политический институт есть* сложное социальное образование теоретико-прикладного характера. Его центральным звеном является понимание сути общественных отношений в их конкретном спектре.

Причем отношений не всяких и не всех, а преимущественно тех, которые касаются власти и функций по ее завоеванию (достижению), защите от деструктивных воздействий, всестороннему обеспечению.

Формирование политических институтов - прерогатива государства. Потому как именно оно посредством предметной либо целевой институализации постулирует свою волю, используя для этого возможности права, иногда делегируя собственные полномочия отдельным службам, органам и структурам. После наделения соответствующими полномочиями и правомочиями таковые становятся относительно самостоятельными акторами политики [20].

Политический институт – образование динамичное. В статике оно может существовать только как теоретическое понятие. Его внутреннее развитие – всегда результат разрешения противоречий между объективными условиями формирования этого института и субъективными факторами использования его возможностей.

Относительная самостоятельность политических институтов подтверждается понятием *пространства реализации* соответствующей политики [29; 30].

В логике предыдущих аргументов политический институт обеспечения безопасности государства это *комплекс идей, концепций, доктрин, программ, реализуемых в сфере защиты законных интересов страны; упорядоченная средствами права деятельность органов власти и управления по эффективной реализации государственно-властной воли в сфере нейтрализации угроз и вызовов нормальному функционированию общества, минимизации последствий внутренних и внешних деструктивных влияний*.

Не будет ошибкой полагать, что, интегрируя в себе названные свойства, политический институт образует собой некую предметную модель социальных контактов и зависимостей определенного характера и предназначения.

При закреплении в соответствующих нормах становление указанного института проходит две самостоятельные стадии. Их справедливо полагать стадиями институализации:

- стадию стихийного концентрирования властной воли, при которой интересы и потребности государства позиционируются посредством отражения его приоритетов, но официально не закрепляются;
- стадию целенаправленного процессуального оформления, при которой рассматриваемый институт становится отражением деятельности государства, отдельных элементов механизма его функционирования.

Стихийное конструирование политических идей и установок всегда предшествует правотворчеству и является объективным основанием для разработки и принятия нормативных актов соответствующей юридической силы. Игнорирование этого обстоятельства приводит к принятию государственными органами некачественных велений, т.н. «мертвых» норм и законов, «рыхлых» и аморфных политических доктрин.

Признание правового воздействия компонентом политики отвечает реалиям современной жизни, хотя и входит в противоречие с формально-юридическими представлениями. Мнение о том, что политический институт безопасности государства проявляет себя лишь в источнике, под которым понимается нормативный акт государства, есть иллюзия, основанная на недооценке и природы правового, и сущности политического.

Как утверждалось выше, *государственная политика и ее оформление в виде соответствующих институтов не могут происходить вне сферы права*. Поэтому центральной научной и прикладной проблемой институализации является *юридический механизм ее формирования*. Под данной категорией подразумевается *динамичная совокупность приемов и способов воздействия на различные социальные явления (связи, контакты, соподчиненности, зависимости) с целью реализации их возможностей при решении каких-либо значимых общественных задач*.

В цивилизованном обществе государство всегда стоит перед необходимостью декларировать свою властно-распорядительную волю, принимая акты различной юридической силы, либо создавая условия, исключаяющие противодействие уже налаженным контактам социальных субъектов.

В этом случае предпринимаемые властные усилия становятся рациональными, а их институирование - *оптимальной формой отражения (а в определенной степени и закрепления – А. Г.) воли акторов политики*.

А поскольку политический институт безопасности государства отражает жизнедеятельность субъектов интегральным порядком, можно заключить, что социально-правовые действия есть центральный компонент соответствующей политики, реальный показатель желаемого государством порядка.

Таким образом, может считаться доказанным, что единство юридического, социального и политического в феномене политических институтов – *есть их внутренняя методологическая константа*, отражающая собой *диалектическое единство объективных условий формирования политики и субъективных факторов ее непосредственной реализации*.

Список литературы

1. **Алексюк Р. П.** Аппарат управления и власти как общесоциологическая категория. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1974.
2. **Аристотель.** Политика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 1.
3. **Баранов Н. А.** Трансформации современной демократии: учебное пособие. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2006.
4. **Батурич Ю. М.** Власть и мера: «точные методы» в англо-американской политологии // Власть: очерки современной политической философии Запада / отв. ред. В. В. Мшвениерадзе. М.: Наука, 1989. С. 128-148.
5. **Батыгин Г. С.** Ему легко быть самим собой // Социологический журнал. 1999. Специальный выпуск к 70-летию профессора В. А. Ядова.
6. **Власть и право: из истории русской мысли:** сборник / сост. А. В. Поляков, И. Ю. Козлихин. Л.: Лениздат, 1990.
7. **Гидденс Э.** Устройство общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003.
8. **Гоббс Т.** Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Госполитиздат, 1964.
9. **Гуссерль Э.** Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Дом интеллектуал. книги; CEU Press, 1999.
10. **Кант И.** Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2007.
11. **Краткий терминологический словарь по дисциплине «Политология»** / под ред. А. В. Гринева. СПб.: СПбГУ, 2004.
12. **Лапкин В. В., Пантин В. И.** Политические ориентации и политические институты в современной России: проблемы коэволюции // Политические исследования. 1999. № 6.
13. **Ледяев В. Г.** Понятие политической власти // Современное состояние, проблемы и перспективы развития российской экономики: материалы научно-практической конференции / отв. ред. В. В. Борисов и др. Иваново: ИГЭУ, 1999.
14. **Локк Дж.** Сочинения: в 3-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 3.
15. **Малько А. В.** Современная российская политика государства и жизнь // Правовая политика и жизнь: материалы «круглого стола», состоявшегося 12-13 сентября 2000 г. в ПГТУ / под ред. В. А. Казначеева. Пятигорск, 2002.
16. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
17. **Питерс Б. Г.** Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999.
18. **Политологический словарь-справочник** / под ред. Е. Д. Погорелого, К. В. Филиппова и В. Б. Фесенко. М.: Феникс, 2010.
19. **Политология: словарь-справочник** / М. А. Василек, М. С. Вершинин и др. М.: Гардарики, 2001.
20. **Простов А. Ф.** Политическая кибернетика: социальная кратология // Социальная экспертиза. 2009. № 1 (32).
21. **Руссо Ж.-Ж.** Избранные сочинения: в 3-х т. М., 1961. Т. 2. 344 с.
22. **Словарь по политологии** / отв. ред. В. Н. Коновалов. Ростов-на-Дону: РГУ, 2001.
23. **Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас** / пер. и вступ. ст. А. В. Леденевой. Новосибирск: Новосибирский университет, 1995.
24. **Соловьев О. М.** Политические институты: учебное пособие. СПб., 2003.
25. **Спиноза Б.** Труды и письма [Электронный ресурс]. URL: http://www.sociograd.ru/spinoza_b_bogoslovskopoliticheskiiy_traktat (дата обращения: 11.03.2010).
26. **Чернякин В. Г.** Введение в политологию. М.: РИО Академии налоговой полиции ФСНП России, 2002.
27. **Чесноков Д. И.** Исторический материализм и современная буржуазная социология: послесловие // Беккер Г., Басков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / пер. с англ. В. Карзинкина и Ю. Семёнова. М.: Иностранная литература, 1961.

28. **Burke P.** The Fortunes of the «Courtier». Cambridge: Polity Press, 1995.
29. **Chartier R.** Cultural History: between Practices and Representations / transl. L. Cochrane. Cambridge: Polity Press, 1988.
30. **Giddens A.** The Constitution of Society. Cambridge: Polity Press, 1984.
31. **Greenblatt S.** Renaissance Self-Fashioning from More to Shakespeare. Chicago: Chicago University Press, 1980.
32. **Parsons T.** Structure and Process in Modern Societies. Glencoe, Ill., 1960.
33. **Wittgenstein L.** Remarks on the Philosophy of Psychology / ed. by G. E. M. Anscombe and G. H. von Wright. Chicago: Chicago University Press, 1980. Vol. 1.

**STATE SECURITY ENSURING POLITICAL INSTITUTION:
EXACTING VIEW ON PHENOMENON INTERPRETATION**

Aleksandr Ivanovich Golovnya, Ph. D. in Pedagogy
Special Department
Academy of Federal Security Service of the Russian Federation
POLEMARX2020@gmail.com

The author analyzes the essence of the scientific category “political institution” in its projection on the sphere of state security ensuring, comparing the encyclopedic interpretations of this notion determines the disadvantages of established definitions, and suggests his own understanding of this complex phenomenon to scientific community.

Key words and phrases: scientific category; powerful and social beginnings unity; essential substrate of security ensuring policy; political institution; methodological constant.

УДК 81'255.2

Статья посвящена проблеме изучения культуры языка перевода в эпоху Ренессанса и в эпоху индустриального капитализма, которая на сегодняшний день является одной из интересных в теории и практике перевода. На примере исторических текстов автор рассматривает проблему межъязыковой стилистической эквивалентности в коммуникативно-прагматическом аспекте и выявляет основные качества, обеспечивающие адекватность переводных текстов подлинникам.

Ключевые слова и фразы: межъязыковая стилистическая эквивалентность; метафизирование; перефразирование; имитация; коммуникация; перевод; адекватность.

Юлия Ивановна Гурова, к. филол. н.
Кафедра английского языка
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
gurovayulia@yandex.ru

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТИПОЛОГИИ ПЕРЕВОДА
В ЭПОХУ РЕНЕССАНСА И В ЭПОХУ ИНДУСТРИАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА[©]**

К середине XVII в. влияние контрреволюции, конфликт абсолютной монархии и парламентаризма привели к коренным изменениям в теории литературы и статусе перевода.

Рене Декарт (1596-1650) сформулировал метод индуктивного рассуждения, и критики создали на основе этого метода правила эстетической продукции. В своих поисках литературных образов писатели всегда обращались к античным мастерам. Обучались посредством имитации. Между 1625 и 1660 гг. во Франции возрос объем перевода классической литературы. В свою очередь, французские писатели и теоретики интенсивно переводились на английский язык.

Сэр Джон Денхэм (1615-1669) в предисловии к переводу «Разрушения Трои» говорит о формальном и духовном аспекте труда переводчика. Он был против буквального перевода в работе над поэзией: «Дело переводчика не только в переводе с языка на язык, но и в превращении одной поэзии в другую. Поэзия — это тонкая материя, при простой передаче с языка на язык эта материя может улечься. Если вдохновение не будет участвовать при переводе поэзии, от нее ничего не останется» [3, с. 15]. Денхэм обосновал концепцию, согласно которой переводчик и автор произведения равны, но творят в разных временных контекстах. Долг переводчика — извлечение из исходного текста этого содержания, а также воссоздание этого содержания на языке перевода.

Абрахам Коули (1618-1667) продвинулся еще дальше в этом направлении. В своем предисловии к «Одам Пиндари» он утверждает: «Я брал, вычеркивал и добавлял все, что хотел» [4, т. 30, с. 479]. При этом главной целью его работы являлась не передача содержания текста, а передача манеры говорить. Он отвергал мнения критиков (например, Дж. Драйдена), которые называли его работы «имитацией», а не переводом.